

Время м.к. — 3 июля — с. 7. Вылитый Чехов

В спектакле-антрепризе Григория Козлова «Doctor Чехов», что идет сейчас в Петербургском театре на Литейном, аж четыре доктора, но **СЕРГЕЙ БЕХТЕРЕВ**, пожалуй, напоминает Чехова больше других. Сергея Бехтерева то ли по привычке, то ли по незнанию все еще называют «артистом Малого драматического театра Европы», хотя Сергей ушел оттуда год назад. В театре Льва Додина он прослужил более 20 лет и был занят в самых лучших спектаклях — таких, как «Дом», «Братья и сестры», «Живи и помни», «Повелитель мух», «Бесы». Он также много снимался в кино: «Голос» И. Авербаха, «Небывальщина» С. Овчарова, «Собачье сердце» В. Бортко. В новой картине Киры Муратовой «Чеховские мотивы» он сыграл священника, который тоже очень похож на Чехова.

Беседовала **Ильмира Степанова**, Санкт-Петербург

— Сергей, раз уж вас сейчас так «окутал» Антон Павлович, может, припомните какую-нибудь историю из собственной жизни, которая у вас ассоциируется с Чеховым?

— Как-то давно я сыграл эпизодическую роль в фильме «Блондинка за углом». Роль называлась «Сумасшедший покупатель». Я произношу там всего два слова: «Лук будет?». С тех пор на рынке просто невозможно пройти:

— Дорогой, ты опять лук пришел покупать?

Однажды подходит интеллигентного вида дама:

— Простите, ваша фамилия как-то связана с луком...

— Луков, наверное?

— Да нет вроде... Что-то другое.

Словом, такая вот вполне чеховская история про «лошадиную фамилию».

— Значит, на улице узнают?

— Я вот недавно сыграл у Светозарова отца еврейского семейства — приходится расхлебывать. Одни, встречая на улице, наотмашь бьют меня по лицу, другие раскланиваются и здороваются... Очень часто зрители принимают тебя за того, кого ты играешь. Но это ведь лишь частичка тебя, только какая-то грань.

— А на самом деле?

— Если говорить о том, какой я на самом деле — наверное, ранимый, искренний, жестокий.

— Жестокий к другим или по отношению к себе?

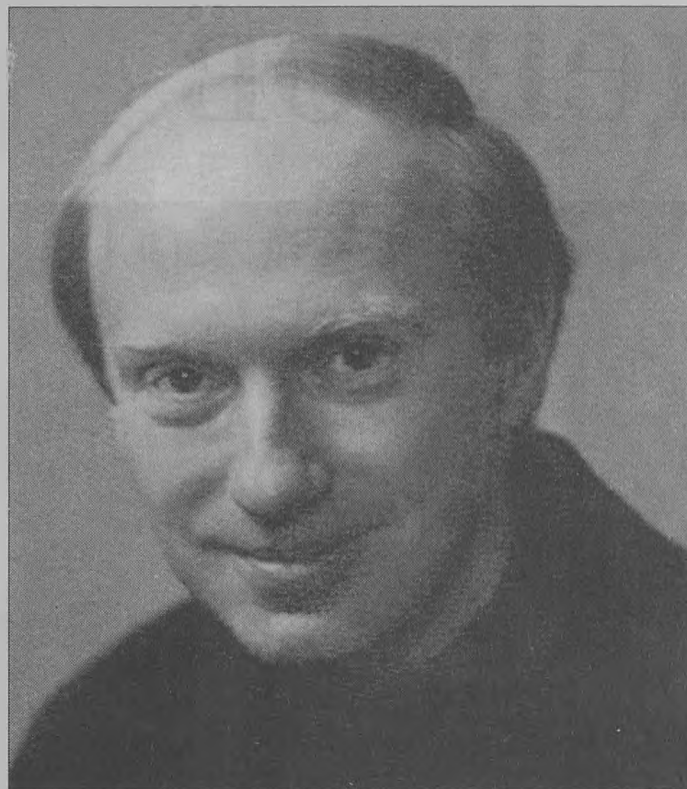
— Чаще — к себе.

— В чем это проявляется?

— Если откровенно... Знаете, совсем недавно я пытался покончить жизнь самоубийством. В последнюю секунду Бог спас. (Пауза). А что вы так смотрите?... Был момент отчаяния. Потом пришел к психологу — он говорит: «В кризисное отделение! На полтора месяца!». Я ведь остался без жилищной площади, уйдя из театра, где у меня была служебная квартира. Теперь негде жить, а надоедать людям, которые принимают из уважения, можно до поры до времени. Иногда приходилось ночевать на чердаках... Я понял, что высшая мера наказания — это одиночество. Дай Бог, чтобы у твоего последнего вдоха стоял кто-то.

— Послушайте, как же так вышло? Вы ведь выросли и учились в Питере?

— Да, это так. Я жил с двумя больными полупарализованными бабушками, которые меня воспитывали, когда умерла мама. Ухаживал за ними и служил в театре. Помню, в пору дефицита из-за границы вез не шмотки, а килограммовые пачки стирального порошка... Когда бабушек не стало, вынужден был продать квартиру, деньги отдал под проценты, а потом оказался обманутым. Театр тогда выручил, дал служебную жилплощадь, которую я должен был освободить в случае ухода. И вот я ушел...

Сергей Бехтерев решительно поменял жизнь

Снимать квартиру для меня пока дорого — того, что удастся зарабатывать, едва хватает на жизнь.

— А почему все-таки оставили театр?

— Я не хочу касаться причин. Но как только ушел, сразу же ощутил, что есть другое пространство и время, где можно свободно дышать. Я знаю залах кулис уже больше двух десятков лет! Но в мире существует много других запахов, и так хочется их вдохнуть. Да, я сейчас неустроен. Но в свободном падении получаю от жизни больше удовольствия, чем в подневольном взлете. Я не зависим ни от режиссера, ни от театра, ни от государства.

— Отчего в государственном театре стало неинтересно?

— Ты занимаешь там определенную нишу. Нота до. А хочется и туда, и повыше, и вот сюда, и вот еще бемоль... — нота до. До красное, синее, зеленое, но — до. А когда работаешь, например, у Киры Муратовой, она ведь не берет тебя только за одну ноту. За последний год я снялся в трех фильмах, сейчас занят в спектакле Григория Козлова. Мне кажется, актерский театр давно умер, а режиссерский мне лично уже надоел. Поэтому я — за антрепризу. За режиссеров — не хозяев труппы, а режиссеров-личностей, которые набирают на свой спектакль актеров личностных. Им не нужна труппа, которую надо оплачивать, содержать, нянчиться с ней. Придумал спектакль, сделал, оставил его и начал думать о другом. В конце концов, я не знаю, каким должен быть сегодня театр, но хочу получать хорошее, чистое удовольствие от игры в нем.

— Что значит для вас игра?

— Недавно просматривал свои детские фотографии. Мальчик читает стихи. Мальчик поет песенки. Мальчик танцует. И все — на сцене. А где, собственно, жизнь?... Потом, когда игра становится профессией, понимаешь, что это твоя исповедь о жизни. Игра требует очень сильных душевных затрат, потому что она — о себе. Актер в облике какого-то персонажа ищет зритель, чтобы на душе стало легче. Это я про себя говорю. Не знаю,

как другие. Чем больше переживаешь и страдаешь в реальности, тем больше материала, чтобы исповедоваться на сцене. Так что игра слишком тесно переплетается с жизнью.

— А если в игре приходится касаться темного, злого начала? Как, например, в «Бесах»?

— С «Бесами» вообще странная история. Я играл там Петра Верховенского — личность отвратительную и страшную. Конечно, про себя не могу сказать, что я такой же. Однако в каждом из нас есть ведь не только светлое, но и темное начало. И чтобы играть эту роль, я не сдерживал на сцене свое отрицательное, а это опасно... Помню, один батюшка сказал: «Вам бесы не дадут себя поставить». Этот спектакль сопровождали страшные трагедии. Мы одного за другим потеряли трех актеров: Володю Осипчука (у него была роль Ставрогина), Коло Павлова (Вергинский) и Николая Григорьевича Лаврова, который играл Верховенского-старшего...

Я суеверный человек. Я боялся и защищался. Но тут ведь присутствовал еще и эгоистический интерес: это моя первая большая роль, и мне очень пришлось ее играть.

Но перед каждым спектаклем я ходил в церковь и ставил свечки, а перед выходом на сцену читал молитву, которая читается в самых тяжелых случаях, — псалом 90-й, «Живы в помощи Вышнего». Иногда даже надевал под костюм пояс с этой молитвой. Это был не день, а целая жизнь. Три длинных спектакля, после которых невозможно было уснуть. Приходилось глушить себя либо снотворным, либо алкоголем. Я все время попадал в какие-то нехорошие истории. Бывает, просыпаясь — все лицо в крови. Шел, вязался куда-то, побили, ничего не помню... Наверное, трагический репертуар порой создает и концентрирует вокруг тебя трагическое мироощущение, мрачные ситуации.

— Но ведь были же и смешные, веселые роли. Ну, например, старуха-карлица в «Разбитом кувшине», гуманоид в «Законе вечности» или король в «Золушке»...

— Да, над этим королем много смеялись дети... Но такое редко случалось. Так же редко приходилось играть богатых и красивых. А мне всегда нравилось ездить в каретах, быть красиво одетым, сниматься в роскошном дворце, как будто это твой дом. Я по гороскопу Телец и люблю жить красиво. К счастью, театр и кино иногда дает такую возможность. Когда, например, Малая драма еще не ездила в Париж, меня пригласили туда на съемки «Гобсека». Я с детства мечтал о Париже. Часто во сне бродил по нему, сочинял какие-то улицы. А тут — сбывшийся сон. Я не ложился спать, исходил его весь. А утром надо в кадр. Холодный душ перед съемкой, капли в глаза, грим. Ночью — опять Париж... В «Гобсеке» у меня было 13 роскошных костюмов. И даже в «Бесах» было прекрасно сшитое пальто, а в «Чехове» мой герой хотя не очень счастлив, зато изысканно одет. Пусть даже потом ты переодеваясь в свой полурваненький кургузый лапсердачок и уходишь куда-то в темноту... Знаете, когда Василий Васильевич Меркурьев читал сценарий, который начинался как-нибудь так: «Зима. Холод. Болото», какая бы интересная роль ни была, он отказывался! А когда читал: «Натура — Ялта, рыбалка», не раздумывая, соглашался.

— У вас есть хобби? Вы что-нибудь коллекционируете, например?

— Я коллекционирую... сны. И свои, и чужие. Вот, например, женские сны, что она выскидывает вареные яйца. Иногда покручивает их ногами, как курица, и думает: «Господи, ну положили хотя бы одно сырое!». Одному моему сокурснику приснилось, что он попал в рай. Идет вдоль речки, а там сидит Господь Бог — дедушка в белом, ловит рыбу: «Ты как сюда забрел?». Тут же полетели два ангела и скинули его вниз... А мне почему-то часто снится, что вот-вот надо выходить на сцену, а текст роли совершенно вылетел из головы! Есть только один выход: немедленно уйти из этого сна. И я — ухожу.